

* * *

Портретом в старинном овале –
На стенку, в тетрадку, как стих...
Пока про апрель толковали,
Натруженный август настиг.
В корзины, в подпольные банки,
Грибом – в сковородочный ад...
Октябрь подступает. Останки
Простуженных листьев дымят.
По лужам, по мукам, по вьюгам,
По наледям истин простых...
Декабрь, загоняющий в угол.
За окнами время хрустит

* * *

Проясняется ум – очевидно, к зиме,
Нашей правящей партии года.
Впору в некие фирмы строчить резюме
Ослепительно светлого рода
И свои фотографии к ним прилагать –
Допотопные, доснеговые,
И законных порядков отнюдь не ругать,
даже если найдешь таковые,
Не загадывать вдаль, не вещать, не стращать,
Не закладывать душу и тело –
Только быть и любить. И пытаться прощать –
Удивительно трудное дело.

* * *

На картине с одной стороны,
Живописцем подсмотрены где-то,

Голубая поляна весны
И зеленая просека лета.

А с другой – догорает лесок
В ежегодном осеннем пожаре
И зимы белоснежный кусок
К старым елям морозы прижали.

В небе сходятся солнце с луной
На загадочной этой картине,
И бредет по дороге лесной
Пара путников в дом посередине.

Хорошо, что к уюту, к теплу
Наконец-то выводит дорога...
И название – чуть видно, в углу -
Ставит автор: «Гостиная Бога».

* * *

У мира нет neroковых минут,
Возможны лишь neroковые точки.
Неужто наше время помянут
Пословицей «не ягоды – цветочки»?

Неужто вечно чаянье свобод
В кровавый воз впрягает несвобода?
...Отпыхал четырнадцатый год.
Что ждать нам от семнадцатого года?

* * *

Чего бы ни употребили,
Тем паче, если вовсе не,
Не умножайте энтропию
В отдельно избранной стране.

Она сама себя умножит,
Сама туману наведет,

Достанет из кармана ножик
И с сеновала пулемет,

На атомы разэнтропилит
И наконец умерит пыл...
Нас в эпилоге в квотах пыли
Не различит и Гавриил:

Кто гош для рая, кто для ада?
Где ад у хаоса, где рай?
...Не надо, милые, не надо
Ступать на край!

* * *

Говорю: «Водосбор, горчицвет,
Медуница, анютины глазки...»
Ботанический мой кабинет –
Словно весь из неписаной сказки.

Только исподволь глянь филигрань
У любых захолустных дорожек –
Чистотел, луговая герань,
Колокольчик, мышиный горошек...

Вновь заставой стоят у реки,
Поднимая фамильные стяги,
Войску мусорных куч вопреки,
Кавалеры любви и отваги.

И со взрывчатой связкой семян
Подползает под днища машинам
Безымянный герой-партизан –
Лютик, пижма, горошек мышиный.